

7

«Я люблю тебя, — просто написал он. — Так хотел сказать тебе это, когда ты была рядом. Ты не представляешь, как мне хорошо с тобой. Видимо, жизнь решила наверстать упущенное. Тебе понравилось?»

«Это было невероятно, — ответила она. — Я никогда не получала столько удовольствия даже с мужем. У тебя сильные красивые руки. Я уже скучаю. Когда ты сможешь прийти?»

Они пришёл в субботу. Принёс тортик, и они пили чай, разговаривая на безмолвном языке любви. Вновь в сумраке комнаты играла музыка, одинокая свечка тенями колыхалась на потолке.

Лиза надела чёрное вечернее платье, шпильки. В темноте под маской блестели её голубые глаза любовницы — чувственные, открытые для экспериментов. Под ними карие глаза дочери стеснялись сказать главное: она любит его и не представляет, как будет жить дальше, если его не станет. Жемчужное ожерелье переливалось перламутром на шее, бриллиантовые серёжки сверкали в ушах.

*изображение носит ознакомительный характер

Она взяла его за руку, приглашая на танец. Он двигался за ней, интуитивно подчиняясь ритму её желаний. Сегодня она правит балом, сегодня он должен доверять ей.

Она скидывает с себя платье, остаётся перед ним в чёрном белье — чулках с подтяжками, широком шелковистом поясе, ажурных стрингах, бюстике с богатым тиснёным рисунком. Руками она помогает ему избавиться от халата. Большие семейный трусы уже топорщатся спереди. Она гладит его выпирающий живот. Где-то в нём лежит опухоль — огромная мерзкая тварь, питающаяся добротой.

Лиза гладит живот, целует волосатую грудь, опускаясь ниже по куполу. Достигает пупка, кончиком языка ныряет глубоко внутрь, мягкими прикосновениями губ спускается под этот распирающий шар.

Его член торчит, она стягивает трусы, стягивает крайнюю плоть к основанию. Ведёт язычком по стволу, находит контуры выпирающей головки, щекочет их — эту ложбинку. Накрывает губами головку, нежно посасывает её, погружаясь всё глубже. Спускается вниз, захватывая всё больше территории.

В седьмом классе у неё ужасно разболелся зуб. Мама отправила её в бесплатную поликлинику, где вставили мышьяк, удаление нерва было назначено через два дня. От боли она не могла заснуть, и тогда он пошёл вместе с ней, чтобы она не боялась. Стоматолог начала кричать на Лизу, доказывая, что нерв уже давно умер. Лиза, готовая расплакаться, вдруг услышала за спиной, как он жёстко ответил врачу, что не позволит делать ей больно. Он взял её за руку и отвёл в другое место, где ей сделали заморозку. Она никогда не забудет, как радовалась, когда всё закончилось, как он завёл её в кафетерий, жалел, уговаривая мороженым, как пообещал, что никогда больше она не будет страдать от зубной боли. И он сдержал обещание.

Она скользит по члену губами, ускоряя темп. Она ещё успеет кончить сама, она сидит на коленках, удобно расположившись на полу. Её рот превратился в сочную дырку, пускай он,

постанывая над ней, кончит туда. Она хочет ощутить его семя, родное горячее семя, из которого она сама произошла когда-то. Она активно помогает рукой, сжимает член у основания. Ритмичные насаживания головой становятся настойчивыми. У него нет шансов, он кончит ей в рот.

Золотые локоны парика, непривычные наощупь, расплескались по спине и плечам. Сейчас она блондинка, нельзя забывать об обмане, он должен расслабиться и улететь вместе с ней. Пускай трахает её в рот, как ему нравится. Как ей нравится. Как нравится сексуальной женщине, которая выросла из девочки-непоседы. Пускай затрахает её в рот, свою любовницу — сексуальную блондинку. Пускай получит удовольствие.

Он испускает стон, и она радостно заканчивает работу безумным нырянием на член. Горячее семя, солоноватое, как её слёзы, наполняет рот ритмичными струйками. Она рассасывает его, размазывает по рту, смешивая со слюной, с пересохшими слезами, с хриплыми безмолвными стонами.

8

Она летела на санках с горки, затем весело взбегала наверх с другими детьми. Мальчишка постарше прицепился сзади, съехал вместе с ней, а потом вырвал санки и убежал на горку. Она бежала за ним, кричала, чтобы он вернул санки, но он не слушал, сел на санки и поехал вниз. А она осталась стоять на горке.

Мама дома готовит обед — она не выйдет на улицу, даже если Лизу начнут бить. Она никогда не выходит, никогда не поверит, что Лизе может быть плохо.

И тут она увидела его. Он шёл от остановки, освободившись пораньше с работы. Заметив её, он, тревожно улыбаясь, поднялся на горку.

— Лиза, что случилось? Лизонька, ты плачешь? — присел перед ней на корточки, варежкой вытирая слёзки с её лица.

Он всегда называл её ласковыми именами, он сам выбрал ей имя. Елизавета — слишком длинно и помпезно. Лизонька — мягко и трогательно. Даже муж не называл её так. Только он. Он приходил два раза в неделю: в середине недели и в субботу. Пятнадцать лет она не знала его так хорошо, разучилась помнить, понимать. Когда родители развелись, он ушёл жить на квартиру. Постепенно связь с ним слабела. Он хотел видеться с ней, звонил, интересовался. А она винила его в разводе, мама внушала, что он бросил их. Теперь, после десяти лет замужества и тяжёлого развода, Лиза понимала, как ошибалась, как он тянулся к ней все эти годы, как она отталкивала его, помня старую обиду.

Он позвонил ей перед самой смертью, словно чувствовал приближение развязки.

— Как у тебя дела, Лиза? — его добрый голос вернул её к дочерней реальности.

— Нормально, — она споткнулась. — Папа, у тебя всё хорошо? — она пятнадцать лет не называла его «папой». Это слово вырвалось у неё так мягко и тревожно, что она сама испугалась нахлынувшим чувствам.

Он тоже смутился, помолчал.

— Не знаю, доча. Возможно, мне скоро придётся уехать в командировку. Я не смогу звонить. Но я буду скучать по тебе.

Лиза вдруг поняла, что он имеет ввиду. Холодная волна озноба прокатилась по спине, спустилась к кончикам пальцев на ногах, заставила её вздрогнуть и встать.

— Ты... Когда ты уезжаешь? — спросила она.

— В следующий понедельник. Но ты не волнуйся, всё будет хорошо.

Он всегда так говорил. Всегда жалел её, скрывая горькую правду. В детстве он играл с ней на равных, забывался, превращаясь в ребёнка. Верил в Деда Мороза, смотрел мультики, играл в куклы. Мама ругалась на него за дурачества, но Лиза не знала лучшего друга, чем он.

Она встретилась с ним в субботу, за два дня до операции. Девушка без голоса с голубыми глазами и золотыми кудрями расстелила постель и уложила его на спину. В последнее время ему стало тяжело двигаться, опухоль придавила нервы, одна нога вообще почти не поднималась.

Раздевшись сама, Лиза надела ему повязку для сна, чтобы он не видел её.

«Я хочу снять маску, — написала она. — Обещай, что не будешь подсматривать».

«Обещаю», — ответил он.

Она опустилась на его эрекцию — такую же твёрдую, как в первый раз, — взяла его руки в свои и гладила их, целовала толстые подушечки пальцев, обсасывала их, словно в них заключалась соль земли. Затем переместила эти руки себе на бёдра, гладила ими себя, не давая ему отпустить её. Она погрузилась в детство — безотчётную пору доверия, вновь была его девочкой, Лизонькой, любимицей. Солнышком. Вновь елозила у него на коленках, раскрывшись для него, став с ним одним целым. Она обласкивала его. Чувствуя приближение оргазма, останавливалась. Начинала новый путь, бросала. Его руки, сильные тёплые руки притягивали её, мягко насаживали на твёрдый жезл, который уже не расслаблялся.

«Здравствуй, доченька. Если ты читаешь это послание, значит меня уже нет рядом. Извини, что не рассказал тебе. Мне не хотелось, чтобы ты страдала. Обычно родные страдают больше, чем сам больной. Люди умирают, но это не главное. Вот что я хотел тебе сказать...»

Лиза прижалась к животу, как в детстве, скрыв лицо под густым водопадом искусственных волос. Она не хотела его отпускать. Накатывающий оргазм ослабевал в небольших паузах, которые она посвящала поцелуям.

«Перед операцией я познакомился с девушкой, которая очень похожа на тебя. И внешне и по характеру. Мы стали близки с ней. Она тоже болеет, зовут её Света».

Соски на грудях затвердели, паузы для отдыха уже не помогали. Лиза оставалась на краю, придерживая его, не давая ему соскользнуть первым.

«Сообщи ей, пожалуйста, про меня. Я дам тебе адрес, телефона я не знаю. Она не может говорить из-за болезни, может только писать. Мы познакомились в интернете, полюбили друг друга. Последние пол-года перевернули мою жизнь. Я ни о чём не жалею теперь. Кажется, я прожил всю жизнь, чтобы встретить её, полюбить. Только благодаря ей я почувствовал, что значит любить женщину. Скажи ей об этом, пожалуйста».

Лиза откинулась назад, напряжённый жезл сильнее прижался к клитору, проникновение стало твёрдым, почти болезненным.

«Когда ты придёшь к ней, она будет стесняться из-за лица (у неё проблемы с кожей). Она не может говорить. Скажи ей, что ты от меня, что меня больше нет, но есть ты. Ты — частичка меня. Оставь ей адрес электронной почты. Пусть она напишет тебе, если захочет. Она очень одинока, у неё никого нет, кроме родителей».

Дрожание перешло в конвульсии, Лиза рассасывала оргазм, навзрыд теряя контроль.

«У меня остались кое-какие деньги. Информация о счетах прилагается в распечатке. Знаешь, писать такие письма нелегко, читать их, наверное, ещё сложнее. Я перечитываю и думаю, что так и не сказал тебе главного.

В первый раз я увидел тебя в роддоме. Ты лежала под тёплой лампой, укутанный в пелёнку, и

пищала так тонко, что поначалу я не разобрал, откуда этот звук. Я думал, что это лампа так пищит. Я взял тебя дрожащими руками и понёс к маме. И пока я нёс тебя, ты притихла, открыла тёмные глазки и любопытно посмотрела на меня. Я улыбнулся, а ты скривилась и заплакала. И тогда я понял, что ты — самое дорогое, что есть на земле. Я полюбил тебя в тот момент и всю жизнь стремился заботиться о тебе, охранять от беды.

Но у жизни свои планы. Мне очень жаль, что я не смог всегда быть рядом, когда был нужен тебе. Это очень тяжело вспоминать. Прости меня, если сможешь. Твой папа».

Содрагаясь в оргазме, Лиза хватала воздух ртом, билась в истерике, цепляясь за него.

Каменный жезл внутри неё вздрагивал в этот момент, теряя силу, растворялся в небытии, отступая перед вечным ходом времени.